

Е. В. БЕСПАЛОВА

(Самарский государственный аэрокосмический университет
им. акад. С. П. Королёва
(Национальный исследовательский университет))

КОНЦЕПТ ЛЕС / WALD В РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПАРЕМИЯХ

Сопоставительное изучение концептов универсальных природных объектов (ЛЕС, ЗЕМЛЯ, МОРЕ, РЕКА, ГОРЫ и т. п.) на материале неблизкородственных языков — задача относительно новая для лингвокультурологии. Признавая концепт многомерной единицей, объединяющей разнородные сведения о внутренней форме, этимологии и истории, о словообразовании и сочетаемости, о функционировании в дискурсивных практиках и коннотациях, очевидно полагать сопоставительный анализ такого рода достаточно трудоемкой задачей.

В концептуализации универсальных природных объектов в разных лингвокультурах можно предположить и проследить много общих черт [ср. Кольовска 2014]. Однако общие черты касаются, по видимому, самых общих категорий. Так, денотаты имен концептов ЛЕС / WALD в русском и немецком языках совпадают, в обеих лингвокультурах у данных концептов можно выделить общие универсальные признаки (вид леса, структура леса, состав леса, цвет леса, звук леса, влажность / сухость, богатство / продукты леса и т. п.) [ср. Бутерина 2008], имена концептов закономерным образом входят в схожие типы дискурсивных практик (научный дискурс, дискурс СМИ и т. п.). Более детальное рассмотрение вербализации признаков концептов выявляет, тем не менее, ряд отличий, например в способах вербализации и в номинативной плотности. В немецком языке при обозначении признаков концепта преобладает словосложение, например признак «вид леса» выражен в сложных существительных *Birkenwald*, *Tannenwald*, *Buchenwald* и др., для наименования видов леса в русском языке используется деривация, например *дубрава*, *ельничек*, *березняк*. Номинативную плотность в немецком языке по сравнению с русским можно проследить на примере единиц, обозначающих лес как объект защиты / охраняемый объект: *Bannwald*, *Dauerwald*, *Hegewald*, *Schonung*. В русском языке выявлено меньше наименований леса как объекта защиты, кроме того, лек-

семьи *заповедник*, *заказник* обозначают, кроме лесных территорий, и акватории.

Формированию концепта как многомерной и культурно специфичной единицы способствует, по-видимому, и семантическое развитие единиц — имен концептов. В этом смысле продуктивными представляются наблюдения исследователей отечественной школы когнитивной семантики [Рахилина 2008; Кустова 2004]. Вектор семантического развития может быть определен на основе этимолого-семантического анализа, поскольку этимологию слова можно сравнить с его своеобразным языковым и культурно-историческим паспортом [Латушкина, Карамышев 2015: 134—135].

Существует так называемый *основной лексический фонд языка*, «единицы которого входят не только в разнообразные парадигматические и синтагматические отношения внутри языка, но связаны с важными для человека (и наиболее освоенными) ситуациями внеязыковой реальности» [Кустова 2004: 58]. Логично, на наш взгляд, отнести к этому фонду и имена таких значимых природных объектов, как ЛЕС. Слова основного фонда обладают неким семантическим потенциалом, восходящим к их этимонам и питающим новые значения. «Метафорическое значение использует концептуальную схему, извлекаемую, “экстрагируемую” из исходного значения и исходной ситуации» [Там же]. При этом важными для новых значений оказываются определенные признаки исходного значения или исходной ситуации. К таким признакам мы относим в первую очередь этимон лексемы, репрезентирующий концепт. Как будет показано ниже, эти этимоны различаются в русской и немецкой лингвокультурах.

К отличиям можно отнести и неравномерность фреймовой структуры концептов ЛЕС/WALD в русских и немецких специальных научных текстах и текстах энциклопедических словарей. В научном сознании представителей немецкой лингвокультуры фиксируется присутствие большего объема фрейма ЛЕС — ЧАСТЬ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, ср. типичный, приводимый Бутериной [Бутерина 2008: 120—121] текст:

Die Stabilität der Waldökosysteme und die Vitalität der Waldbäume werden von verschiedenen Faktoren beeinflusst: Witterung, Fruktifikation, Schadorganismen sowie vom Menschen verursachte Stoffeinträge in den Wald; nicht ausreichend ist allerdings die Verringerung der Stickstoffemissionen aus Landwirtschaft und Kraftfahrzeugverkehr. Demzufolge werden nach wie vor die Verträglichkeitsschwellen für unsere Waldökosysteme überschritten.

В научном сознании представителей русской лингвокультуры в большем объеме представлен фрейм ЛЕС — ЧАСТЬ БИОСФЕРЫ, ср. типичные фрагменты из той же работы: *лес — жизненная среда для многих птиц и зверей, лесные экосистемы обеспечивают сохранение 70 % видов беспозвоночных животных, в лесах России обитает значительное число редких и охраняемых видов растений и животных* [Там же: 130, 208—209].

Специальное исследование Бутериной, содержащее богатый фактический материал, не охватывает, однако, сферу устойчивого употребления рассматриваемых концептов. Тем не менее именно в этой сфере используются наиболее типичные признаки концептов, устоявшиеся в языковом сознании представителей отдельных лингвокультур и образующие их специфику. Материалом анализа в настоящей статье являются устойчивые идиоматические языковые единицы, фразеологизмы и поговорки, рассматриваемые нами как источник этнокультурной информации, а в когнитивном аспекте — как единицы вторичной концептуализации [ср. Кулькова 2011; Кузьмина 2004]. К особенностям пословиц и поговорок исследователи относят к тому же бессубъектность, безадресатность, клишированность и прецедентность [Кулькова 2011].

Целью настоящей статьи является сопоставительный анализ фразеологизмов и пословиц, содержащих имя концепта ЛЕС / WALD. Материалом анализа послужили этимологические, семантические, фразеологические, толковые и двуязычные словари. В нашем анализе мы рассмотрим степень общности этимологической смысловой структуры единиц, деривацию этимологических образов, степень актуализации признаков концепта и их роль в мотивации, эмоциональные характеристики и коннотации.

Для внутренней мотивации идиоматических единиц существенными оказываются признаки концептов, входящие в их этимоны, — **существенные признаки**. В значении лексем, репрезентирующих концепты, эти признаки образуют интенционал. Для концептов ЛЕС / WALD можно выделить универсальные интенциональные признаки — это признак совокупности отдельных объектов (деревьев, кустарников) и признак большого количества объектов (деревьев, кустарников). Именно эти исходные признаки были впоследствии обобщены в концепт ЛЕС / WALD. Они связаны с первичным, «физическим» восприятием леса как целого, состоящего из большого количества объектов. В этих двух признаках проявляется так называемая память значения [ср. Кустова 2004: 199]: согласно этимологическим данным, современные значения слов *лес / Wald* восходят к более конкретным значениям («дерево, листва, кустарник»). Развитие цивилизации, которое привело к разделению природной среды и среды обитания человека, способствовало привнесению в концепт ЛЕС взаимосвязанных признаков «среда обитания диких животных», «неизвестность / опасность», «неосвоенность человеком» и «отсутствие культуры». Признак леса как среды обитания диких животных основан на наблюдениях за биосферой. Другие признаки связаны в большей степени с взаимодействием человека и леса. Так, признак неизвестности / опасности мотивирован конкретным опытом добывания в лесах пищи, дров, с опасностями, грозящими человеку в лесу (возможность заблудиться, пораниться, встретить диких хищных животных и т. п.). Признак неосвоенности человеком свя-

зан с тем фактом, что площадь лесов гораздо больше площади населенных пунктов, что означает существование на Земле довольно больших незаселенных территорий, где вероятность встретить другого человека чрезвычайно мала. Идея невозможности полноценного культурного развития человека вне социума или при ограниченном контакте с социумом проявляется в признаке леса как места, где культура отсутствует.

Признак **совокупности отдельных объектов** проявляется во внутренней форме пословиц с идентичной, на первый взгляд, смысловой структурой: *за деревьями не видеть леса* (посл. о мелочах, заслоняющих собою главное [Шведова 1998: 4897]) / *den Wald vor lauter Bäume nicht sehen* (*das Offensichtliche nicht sehen, keinen Durchblick haben; etwas, was man sucht, nicht sehen, obwohl es in unmittelbarer Nähe liegt*). Обращает на себя внимание тот факт, что в словарных толкованиях пословиц в русском «мелочи» занимают более сильную позицию, в немецком в сильной позиции «очевидное, искомое». Смысл русской пословицы, таким образом, в том, что кто-либо, уделяя внимание несущественным мелочам, не видит главного. Немецкая пословица говорит о том, что кто-либо не видит того, что у него перед носом, не видит очевидного. С позиций концептуального анализа, подразумевающего учет внутренней формы имен концептов, данные выражения могут быть объяснены следующим образом. Русское слово *лес* когда-то, по одной из версий историков языка, означало «дерево, дуб», косвенным подтверждением этого можно считать наличие параллелей в некоторых славянских языках и территориальных вариантах (словен. *les* 'дерево', воронеж. *лес* 'дубовое дерево, дуб', полаб. *lós* 'лес, дерево', русск. разг. *лесина* 'одно дерево') [Черных 2006: 476—477]. По другой версии, *лес* родственен обозначению орешника: **lěščina* 'орешник': русск. *лещина*, укр. *ліщина*, болг. *лящина*, польск. *leszczyna* [Там же: 476—477]. Принимая во внимание этимологические данные, логично предположить, что концептуализация развивалась от наименования одного конкретного объекта к множеству, а затем к классу объектов: лес — это много деревьев / кустарников, наличие большого количества деревьев / кустарников есть существенный признак концепта ЛЕС. Мотивация русского фразеологизма прозрачна: не «видеть» — значит не понимать существенного [ср. Рябцева 2005: 225—244], отвлекаясь на незначительные детали, то есть на отдельные элементы целого, не уметь обобщать. Внутренняя мотивация пословицы «работает» на противопоставлении «части, элементы, детали» — «обобщение, целое».

В этимологии немецкой лексемы *Wald* прослеживаются следующие параллели: Г. Пауль называет лат. *vellere* 'rupfen' [Paul 1960: 719 f.], делая вывод, что *Wald* означает 'das gerupfte Laub' [см. также Kluge 1999: 872]. Ф. Клуге возводит происхождение лексемы к германскому корню **wal!u* и понимает исходное значение как *Büschel, Laubwerk, Zweige* [Ibid.]. Г. Пауль отмечает тот факт, что *Wald*

в немецком языке часто обозначает горы, покрытые лесом: *Bregenzer, Bayrischer, Böhmischer, Thüringer Wald, Schwarzwald* [Paul 1960: 719 f.]. Путь концептуализации имени концепта в немецком языке был, по видимому, в какой-то мере сходным: от наименования конкретного объекта к наименованию множества в целом и обобщению. Внеязыковая реальность расположения многих лесов на территории Германии на горах делает этот признак существенным в структуре концепта: лес для носителя немецкого языка — это часто и горы (большой размер, то, что хорошо видно). В структуре мотивации немецкой пословицы прослеживаются, таким образом, оба значения: «очевидное, то, что сложно не заметить (подобно горе)», «нужное человеку, то, что он ищет» (подобно веткам, связке хвороста). Внутренняя мотивация пословицы «работает» на противопоставлении «большое, очевидное, хорошо заметное, важное» — «множество деталей».

Концептуальный признак **леса как большого количества чего-либо** проявляется как в русской, так и в немецкой идиоматике. Русское выражение (*чем*) *дальше в лес*, (*тем*) *больше дров* означает нарастание сложностей / неожиданностей по мере погружения в ситуацию [ср. Шведова 1998: 14918]. Прозрачность мотивации базируется на хозяйственном опыте заготовки дров, которых действительно больше по мере удаления от жилища, то есть вглубь леса. Негативные коннотации обусловлены увеличением усилий по транспортировке этих дров к дому (время, отсутствие дороги, возможность заблудиться, тяжесть и т. п.). В данном выражении *лес*, а точнее, *поход в лес за дровами* метафорически переосмысливается как «жизненная ситуация, проблема, требующая решения». Этимологический признак количества, входящий, как было отмечено, в интенционал лексемы ЛЕС, переносится в импликационал лексемы ДРОВА, основное значение которой «собирательность». При этом происходит метонимический перенос по функции: нарастание сложности по мере увеличения количества. Среди имплицированных метафорических смыслов есть признаки исходной ситуации: трудность доставки дров / решения проблемы.

В немецкой идиоматике концептуальный признак *Wald* как большое количество проявляется иначе. Выражение *einen ganzen Wald absägen* ('laut schnarchen') [Röhrich 1991: 1691] построено на сходстве звуков пилы и храпа. Мотивация достаточно прозрачна, она акцентирует интенсивность и продолжительность действия *schnarchen*: громкость звучания пилы (похоже на храп) и большое количество деревьев в целом лесу (нужно долго пилить, пока все не перепилишь). Метафоризация имеет ассоциативный характер, что создает яркий образ, отсутствующий в русской лингвокультуре. Совмещаются две сферы: имплицативная в лексеме WALD (сфера деятельности человека в лесу) и имплицативная в репрезентанте концепта СОН (храп не входит в интенционал этого концепта, представляя его фа-

культуративный признак). Совмещение двух имплицативных признаков создает необычную образность.

В соответствии с тенденцией так называемого семантического выветривания направление семантического развития лексической единицы движется от конкретного значения к абстрактному и далее к утрате конкретного значения, превращения в некий показатель [см. Кустова 2004: 199]. Такое развитие претерпевает лексема *Wald*, которая используется как показатель большого количества чего-либо (ср. *Krähnwald*, *Paragrafenwald*, *лес нефтяных вышек*, *лес рук*). В выражении *nicht für einen Wald voll Affen* (unter keinen Umständen, um keinen Preis), являющемся калькой с английского отрывка пьесы У. Шекспира «Венецианский купец» *I would not have given it for a wilderness of monkeys*, лексема *Wald* лишь показатель большого количества и средство экспрессивного противопоставления (Порция обменяла дорогое для Шейлока кольцо на обезьянку, в ответ на что он произносит упомянутую фразу). Свидетельством того, что в современном немецком языке концептуальные признаки леса в данном выражении несущественны, служит синонимичное и более предпочтительное *nicht für einen ganzen Stall voll Affen* [Universalexikon].

Признак леса как среды обитания диких животных проявляется в русских пословицах довольно отчетливо: *медведь в лесу, а шкура продана* — ‘пословица о тех, кто делит между собой доходы, выгоды, которых еще нет, а возможно и вообще не будет’ [Шведова 1998: 4897], имплицитно подразумевает смыслы типа: медведь не пойман, а находится в своей естественной среде обитания, поймать медведя сложно и т. п. В пословице *как волка ни корми, всё в лес смотрит* мотивация прозрачна: несмотря на достаточное количество пищи, волку важна его среда обитания — лес. Эта ситуация переносится на другую, более обобщенную: кто-то не может до конца отказаться от привычного образа жизни, несмотря на, казалось бы, создаваемые для него хорошие условия. Через использование лексемы *волк* реализуется противопоставление «дикий — культурный». Интересно, что в данном выражении глагол развивает новое значение: *смотрит* означает *хочет уйти*. Такое же значение актуализируется в поговорке *глядеть (или смотреть) в лес* — ‘тяготясь местом работы или местом пребывания, намереваться его оставить, покинуть’.

Концептуальный признак леса как объекта приложения хозяйственной деятельности человека актуализован в следующих русских пословицах. *Лес рубят — щепки летят* — пословица о том, что всякое большое дело не обходится без жертв. ЛЕС имплицитно подразумевает здесь интенциональный признак большого количества, воспринимаемого как большой объем; в импликационал концепта входит несущественный признак незначительного объема щепки. На этой антитезе создается метафорический смысл оправдания жертвенности в других областях деятельности. В немецком языке аналогично используется образ, ассоциированный с лесом, поскольку работа рубанком предполагает

снятие стружки с древесного объекта: *Wo gehobelt wird, da fallen Späne* [Langenscheidt 1994: 212]. Различие обусловлено культурно-исторически: в русской изначально сельской культуре дрова использовались для отопления и вырубка леса расценивалась как жизненная необходимость, по сравнению с которой щепки не принимались в расчет. В немецкой культуре большое значение придается ремесленно-цеховой деятельности, которую и отражает пословица.

В пословице о неслаженных, несогласованных действиях, о разном в делах *кто в лес, кто по дрова* эксплицирована и сама хозяйственная деятельность — в лес ходят за дровами. Мотивация основана на том, что люди, делая формально одно дело (идут в лес и дрова рубят в лесу), разобщены. «Идти в лес» имплицитно не обязательно сбор дров, это может быть сбор ягод, трав, охота и т. п., то есть множественные импликации противопоставляются единичной. В немецком языке для выражения аналогичного смысла используется образ, не связанный с лесом: *der eine sagt hü, der andere hott* [Langenscheidt 1994: 212].

С концептом WALD в немецком языке связана идея «дикого, опасного» места. Так, разбирая этимологию лексемы *Wald*, Ф. Клуге и Г. Пауль указывают на ее близость с *wild* [см. Kluge 1999: 280; Paul 1960: 719 f]. Этот признак оттеняется наличием лексемы *Forst*, исходное значение которой определяется как нечто огороженное “*Zaun, Eingezüuntes*” [Paul 1960: 199]. Комментируя это значение, Клуге пишет: “*Gemeint ist der gehegte Forst im Gegensatz zum wilden Wald*” [Kluge 1999: 280]. Признак неизвестного / опасного проявляется в немецком фразеологизме *jemanden in den Wald wünschen* (‘jemanden verwünschen’) [Röhrich 1991: 1691], что буквально значит «желать, чтобы кто-то оказался в лесу». Фразеологизм имплицитно означает «будет один в опасном месте / не будет уверен в своей безопасности / не получит помощи в случае опасности / сгинет и т. п.». Тот же признак задействован в смысловой структуре русской пословицы *Волков бояться — в лес не ходить*, смысл которой, однако, направлен на преодоление страха перед неизвестным. ЛЕС не имеет здесь отрицательной коннотации. Прагматический потенциал пословицы носит положительный характер, в русском языке это способ ободрить кого-либо, придать решимости. Аналогичная пословица немецкого языка связана с другой образностью: *Wer Honig schlecken will, darf die Bienen nicht scheuen* [Langenscheidt 1994: 72].

Признак неосвоенности человеком присутствует в выражении *auf dem Holzweg sein* (‘im Irrtum sein’) [Röhrich 1991: 1691] скорее косвенно. Внутренняя мотивация основана на представлении о «нехожих тропах» как о путях, уводящих в сторону от цели, имеет место импликация «трудный неизведанный никем путь часто является ошибочным».

Признак отсутствия культуры проявляется в следующих немецких единицах: *im Walde aufgewachsen sein* (‘kein gesittetes Benehmen

haben'), *im Wald wohnen* ('dumm sein'), *sind wir im Wald?* (Mahnung), *Hinterwäldler* ('weltfremder, rückständiger [und bäurischer] Mensch') [Röhrich 1991: 1691]. В первом случае номинативный акцент проявляет недостаточный социальный опыт (вырасти в лесу — значит вырасти вдали от людей, вдали от культуры), имеющий следствием отсутствие воспитанности, плохое владение нормами поведения, принятыми в обществе. В таком же ключе следует понимать и призыв вести себя в соответствии с нормами поведения (*sind wir im Wald?*). Во втором выражении отсутствие социализации имплицитно означает отсутствие ума. Такое развитие значения основано, по-видимому, на идее обучения / развития умственных способностей среди себе подобных, то есть также среди людей, в обществе. Те же импликации присутствуют и в единице *Hinterwäldler*. В русском языке признак отсутствия культуры и его следствие, неспособность разбираться в каких-либо вещах, можно выделить в выражении *Как в лесу (разг.)* — 'ничего не понимая, ни в чем не разбираясь' [Шведова 1998: 4897].

Таким образом, проведенное сопоставление фразеологических единиц и паремий немецкого и русского языков, содержащих компонент ЛЕС / WALD, позволяет сделать следующие выводы. В устойчивых выражениях актуализируются как универсальные интенциональные признаки концептов, заложенные уже в их этимонах репрезентирующих их лексем, так и признаки, привнесенные в эти репрезентанты в процессе диахронического развития. Вектор развития устойчивых выражений с этими компонентами совпадает в немецкой и русской лингвокультурах лишь частично. В русском языке важными оказываются признаки леса как среды обитания диких животных и как места хозяйственной деятельности человека. Концепт ЛЕС, как правило, не получает в этих выражениях отрицательных коннотаций, даже если они имплицитно означают опасность. В немецком языке более востребованным оказывается признак леса как дикого, безлюдного места, восходящий к противопоставлению первоначальных репрезентантов WALD — FORST. На этом основано и более негативное восприятие леса в немецкой лингвокультуре. Экологический аспект восприятия леса как природного объекта, нуждающегося в защите, широко представлен в современном немецкоязычном дискурсе; этот аспект не нашел пока отражения ни во фразеологическом фонде, ни в паремиях.

Литература

- Бутерина 2008 — Бутерина О. В. Представление концепта «ЛЕС» в русских и немецких лингвокультурных источниках: Дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2008.
- Карасик 2004 — Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

- Кольовска 2014 — *Кольовска Е. Г.* Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики: Автореф. дис. ... канд. филологических наук. М.: МГУ, 2014.
- Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Латушкина, Карамышев 2015 — *Латушкина О. Л., Карамышев Е. А.* Лексический инвариант английского слова “tree” в диахронической плоскости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 133—137.
- Рахилина 2008 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.
- Рябцева 2005 — *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.
- Черных 2006 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 2006.
- Шведова 1998 — *Шведова Н. Ю. (общ. ред.).* Русский семантический словарь. М.: Азбуковник, 1998.
- Kluge 1999 — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin. New York, 1999.
- Langenscheidt 1994 — Langenscheidts Taschenwörterbuch Russisch. Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. Von Stanislaw Walewski und Prof. Dr. Erwin Wedel. Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt, 1994.
- Röhrich 1991 — *Röhrich L.* Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg; Basel; Wien, 1991.
- Paul 1960 — *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale), 1960.
- Universal-Lexikon — Universal-Lexikon. [Электронный ресурс] (Режим доступа: http://universal_lexikon.deacademic.com/278091/Nicht_für_einen_Wald_voll_Affen — Дата обращения: 30.01.2016).

ZUSAMMENFASSUNG

Das Konzept ЛЕС / WALD in russischen und deutschen Phraseologismen und Sprichwörtern

Der Artikel widmet sich der vergleichenden Analyse von russischen und deutschen Phraseologismen und Sprichwörtern, die Repräsentanten der Konzepte ЛЕС/WALD enthalten. Bei der Analyse werden Etymologie der Repräsentanten, die Besonderheiten der Konzeptualisierung, Metaphorisierungsprozesse, Emotionalität und Expressivität berücksichtigt. Die Unterschiede des Gebrauchs werden durch etymologische Basis, unterschiedliche Wichtigkeit der konzeptuellen Merkmale und Erfahrung verdeutlicht.